

Екатерина Шолохова

Рассказы о старике Букашкине

(Евгении Михайловиче Малахине)

С одесситами-художниками меня познакомил Евгений Малахин (он же – БУКашкин), сперва заочно, привозя их картинки-подарки к нам в мастерскую. Я же в ответ тогда оформила книжечку стихов Юры Коваленко – ручная работа в двух экземплярах способом монотипии, а с 1983 года мы каждый год ездили в Одессу, иногда и на Рождество. Готовили кучу подарков – Малахин тогда увлекался резьбой по дереву, а я расписывала на иконную тематику. В ответ нам друзья дарили картинки, так мы составили неплохую коллекцию. Часть из нее теперь в музее БУКашкина. Ездили и в 90-е, и в начале двухтысячных, с друзьями-художниками (у меня не всегда получалось). Выступали с концертами в Горсаду с песенками собственного сочинения, сын БУКи прекрасно пел и играл на балалайке, остальные – кто во что горазд. Раздавали картиночки на эти тексты. Вот такие у нас были отношения с Одессой – по любви.

Малахин в Одессе

Одесса для Малахина – отдельная замечательная часть жизни. Познакомился он с одесскими художниками в начале 70-х. Недалеко от Одессы – Тираспольская ГРЭС (командировки), а в Одессе – родственники (позже уехавшие в Америку). Увлекался он тогда фотографией (и даже был отмечен на конкурсе в Претории (ЮАР)). Слайд назывался «Ковровочка» – девочка из города Коврова, а сквозь нее просвечивает луг с цветами – наложение изображений. Слайды делал он хорошо, профессионально. Но с другом своим, художником О. Волошиновым (Аликом), познакомился на пляже, не поверите – на занятиях каратэ! Много лет спустя я увидела один из приемов, когда он с разворота засветил фингал одному литератору-

Малахин с зарубежными гостями. Снимок Дэвида Рида (США)

авангардисту, принесшему в мастерскую свой опус «кто, когда и от чего умрет». Для автора это было на уровне «хи-хи», к тому же хитрый писатель из Березовска намерил мэтрам Свердловской культуры из Союза художников по 100 лет, а всем остальным – понемножку. На вопрос «Почему такая избранность?» последовал ответ: «А тты и ттак на ладан ды-

шишь...» – за что и был получен гонорар в виде фонаря под глаз. (Через день, кстати, второй глаз авангардиста украсил симметричный фонарь – от кого-то из коллег по творческому цеху.) Конечно, худой постоянно курящий кашляющий Малахин внешне не тянул на долгожителя, но, как говорится, «кто посмеет обидеть художника – того покарают боги!» (когда-то увиденная надпись на стене).

В Одессе Алик презнакомил всех своих друзей-художников с Малахиным ко всеобщему удовольствию. Среди них – нынешних уже классиков южноукраинской школы – не членом Союза художников был только Юра Коваленко, впрочем, не страдавший от этого: у него на тот момент было больше всех персональных выставок, в основном в фойе кинотеатров в центре Одессы. Для членов СХ это было, возможно, не престижно, но народу, в общем, все равно, на какой стене висит хорошая картинка.

Книжка стихов Коваленко

Как-то Малахин привез из Одессы листочки со стихами Юры. Решили оформить небольшую книжечку. Я сделала ее способом монотипии, цветной темперой – вышло два экземпляра (ему и нам). Юра был тронут. Стихи были на русском и украинском: «Дуже смачна картопля Печена в багатті В рідній хаті Під заметіль...». И дальше описывается вкусная духмяная картопля. Каждый куплет начинался так же, как и первый. И кончался стих: «Дуже смачна картопля, коли її нема!». Коваленко писал очень самобытные картины,

Катя Шолохова с Малахиным,
а в руках у нее картина Юры Коваленко, иронически изобразившего ее и Малахина

столь любимые Малахиным, – пейзажи родных Прилук, петухи до неба, вечера, мальчик в обнимку с грушей одного с ним роста, насыщенные цветом, жизнерадостные, как и сам Юра.

* * *

По приезду в Одессу мы дарили всем друзьям свои работы – росписи исполняла я, а деревом занимался Малахин, вырезая прямо-таки шедевры, используя кипарис, орех, самшит и даже бокаут – железное дерево. Взамен получали ответные подарки – графику, живопись. Валера Басанец дарил также небольшие деревянные скульптурки, Руслан Макоев произведения из обожженной глины – пиалы, подсвечники, глиняные свистульки. Вдобавок на проводах, когда мы уезжали, устраивались художественные экспромты – рисовали все гости кто что хочет (и может – пир был большой!). Приезжая в гости к Алику, Малахин первым делом включал пустой холодильник, к ужасу хозяина, приговаривая:

«Ничего, ничего, за свет заплачу! – ставил чайник на газ, глядя, как Карлсон на Малыша, на бедного Алика: – И за газ – тоже!». Далее – поход на Привоз, и холодильник набивался всякой снедью. Вне зависимости от того, где мы останавливались, холодильник Алика был «базой», если только Алик не скрывался у себя на даче.

Горох

Приезжаем в очередной раз. В Аликином доме – шаром покати.

– Что же ты ешь?

– Как что? Вот... горох, – зашелестел хозяин каким-то кулечком.

– Да? А как его варишь? – спрашивает Малахин, подразумевая, видимо, со свиной или со шкварками.

– А чего его варить? Воды налил, на огонь поставил – он сам себе и варится...

(Надо сказать, все было не так уж и печально – Алика частенько потчевал галерейщик М. Кнобель, у которого Алик был кем-то вроде консультанта по живописи.)

На даче у Алика

Выходим в огород – дача на лимане, прекрасный вид, в огороде чего только нет (к белой зависти Малахина).

– А тыквы (огромные. – **Е. Ш.**) как выращиваешь?

– А чего ее выращивать? Ткнул семечко, водой полил, она сама и выращивается...

* * *

Одесса – город, прошитый светом сквозь пористый ракушняк стен и дырявые тени платанов на Пушкинской улице. Сладкие сочные груши в конце дня за копейки с Привоза и ночное ласковое море. И – встреча с одесситами-художниками. Август. Поминки Людэ Ястреб (очень рано ушедшей талантливой художницы, первой жены Вити Маринюка). Одесский дворик, увитый виноградом, белый стол, за столом собрались все наши друзья – Басанцы, Рахманины, Степановы, Валя Хрущ, Коваленко, Цюпко, Стовбур, сам Витя Маринюк и еще кто-то – всех знаю заочно по их работам

и рассказам Малахина. Разговоры, в конце застолья – песни, чудесные, на украинском, знают их множество. И Рахманин – художник по прозвищу Бельканто, певший по просьбе публики вещи на итальянском (в том числе «Вернись в Сорренто», позже – специально для меня исполнявший на каждые проводы «Вернись в Одессу»). Женя Рахманин – человек удивительный, помимо художественного имевший и музыкальное консерваторское образование. Жили они с женой Татьяной в чистой белой мансарде на улице Пироговской. По стенам – картины, экзотические музыкальные инструменты, многие из которых Женя изготавливал сам – струнные, там-тамы, флейты. Частенько с ними он снимался в эпизодах фильмов Киры Муратовой. Внешность у него была какая-то восточная, радостные голубые глаза. И живопись прекрасная. В мансарде из мебели – старинные кресла, стол, полки с книгами, двуспальный матрас у стены, шкуры, циновки и маленький телевизор. Из удобств были только вода и электричество. С туалетами во многих домах Одессы решалось просто – удобства были во дворах, на воротах которых, как правило, было написано: «Туалета нет!».

* * *

Длинная, худая, похожая на птицу (Малахин звал ее «удод») Татьяна постоянно пилила Рахманина за то, что он денег не зарабатывает. Идем по улице. На нем белая сорочка с вышивкой, на выпуск, летние светлые штаны. Татьяна: «Женя, ну где же деньги?». Рахманин: «Татьяна! О чем ты? У меня и карманов-то нет!». И точно – ни одного! Идем дальше. Старинная улочка с особняками. Татьяна: «Вот ведь люди жили!». Рахманин (пафосно-беспечно): «Татьяна! О чем ты говоришь! Тебе весь мир принадлежит, а ты! Какая мелочность – особняки...». Увлекались они и индийской философией (есть у них письма от Ошо Раджнеша), и сыроедением. Рахманина как-то после бурных посиделок с горилкой стошнило. На это он изрек: «Это после салата! Говорили – в нем одни сырые овощи... Соврали! Была вареная картошка! Организм отторг!». Как-то на вечере у Маринюков стоит Малахин на углу, курит. Из дома осторожно на цыпочках выбегает Татьяна. Татьяна (держа в руках слоеные пирожки с мясом): «Малахин! Только Жене не говори!» – пирожки мгновенно поглощаются.

Спустя какое-то время появляется Рахманин с колбасой: «Только Татьяна – ни слова!». На этом эпохе сыроедения пришел конец.

* * *

Татьяна на Привозе, торгуясь за смачную курицу: «Почем у вас эта синяя птица счастья?».

* * *

Рахманин был человек невозмутимый, и, казалось, ничем невозможно было его удивить. Малахин: «Сердце... Очень беспокоит. Жуткая бывает аритмия. Иногда скачет, иногда совсем почти не бьется...». Рахманин: «Пш-ш! Я, бывает, вовсе его не чувствую. Как-то проснулся – стоит! Потихоньку подхожу к окну, вдыхаю... Слышу музыку космических сфер, снова вдыхаю утренний воздух, вдыхаю... Чу! Тук... тук... тук... Пошло!».

* * *

Татьяна уверяла, что тоже иногда слышит музыку сфер. Невозможно было не верить. По профессии переводчица, она рисовала очень неплохо, правда, нечасто. У нас в мастерской висели два ее «Георгия Победоносца» – живопись на стекле.

* * *

Развал СССР и пробуждение национализма затронули на какое-то время и одесситов. Причем этим увлеклись не выросшие на селе и прекрасно знавшие украинский язык, а «городские» украинцы. Приезжаем как-то в начале 90-х, сидим у Маринюка. И вдруг:

– Вы, москали, полонили Украину!

Мы опешили.

– Я тебя, что ли, Витя, полонила, или, может быть, Малахин?

Со временем все как-то улеглось, но иногда всплески бывали, поразительно совпадавшие с экономическим состоянием страны.

* * *

Со временем Малахин стал брать в поездки и Ярослава – подрастающего сына, живого и остроумного мальчика. Сидим зимой на Рождество у Басанцов. Вечеря. Гости. Режем лобзиком «пryanик» – мно-

го-много наших работ на одной доске: каждому по подарку. До этого разыграли – кому какой. И тут встает Валерушка Басанец – худенький, скромный, небольшого роста и, размахивая воображаемой сабелькой, заводит: «Хай живе...» – и пошло-поехало далее нечто националистическое (Валера недавно вернулся из Львова). Слышу, позади меня Ярослав тихонечко вякает: «Хай-ло! Хай-ло!». Малахин шикнул на него; уже потом, после выговора, мы досмеялись над ним в гостинице.

Привоз

Ходим с Ярославом по Привозу. Ему лет 12. С важным видом пробует колбаску, копченое мясо, брынзу. И – ничего не покупает. К концу рядов уже, вроде бы, и позавтракал. Продавцы – мне: «Что же это вы, мамаша, сына не кормите?». Спустя 5 лет – та же ситуация. Продавцы: «Ну и муж у вас прожорливый!». Подросткий Ярослав выглядел более-менее солидно. Все равно ничего не купал!

* * *

Малахин встретил меня в одесском аэропорту. Я прилетела из Питера. Встретил с цветами (!). Я приятно удивилась, мы прошли к стоянке автобусов. На клумбе росли подозрительно знакомые цветочки...

* * *

На Привозе тетка-продавщица с дрессированным попугайчиком. Он вытаскивает за гривну билетик счастья и вкладывает в руку. Тетка приговаривает: «Гадает, гадает, Боря гадает!». Мы заинтересовались. Боря нагадал Малахину встречу с друзьями. Малахин: «Это я и так знаю... Отдай гривну!». Тот его за палец укусил.

Немного о Хруще и экстрасенсорике

Художник Валя Хрущ – маленький, деловитый, все время прокручивающий какие-то операции, жил на Чижикова на первом этаже. Малахина он называл «Женищка» и все время брал у него деньги на покупку Малахину каких-то «цимесных» стамесок шведской стали (при мне не принес ни одной). Заходим, на столе огромными

кусками шоколад, прямо с фабрики, чай развешивают из плотно-го мешка – привезли из порта. Малахин: «Что за чай? Индийский? Цейлонский?». Хрущ: «Есть, Женищка, такой сорт – «ворованный»!» По всей квартире степенно ходят наглые одесские тараканы – огромные, породистые. Наблюдательный Басанец рассказывал, что как-то у Хруща видел, как тараканище прыгнул с висевшей на стене картинке на другую: «И, представляете, картинка закачалась!». Вкусу Хруща-художника в Одессе доверяли настолько, что уже в 15 лет его приглашали на выставки выстраивать экспозицию. В конце 80-х его увезла к себе в Москву экстрасенсорша Альвика, дама в годах, и, по выражению Вали, «денежки в сумочке у нее гуляли». Альвика поначалу небезуспешно дурила одесситов, заявляя очередной жертве: «У тебя неизлечимая болезнь, и тебя никто не спасет... Кроме меня, конечно!» – лихо крутила своей согнутой антенной и посылала сгустки целебной (а как же!) энергии. При нас она крепко села на шею скульптору Степанову (автору бронзовой скульптуры «Петя и Гаврик», что в садике недалеко от Дерibasовской). Под предлогом лечения его жены она выжила бедного Колю из мастерской, где занялась живописанием серебристо-черных пауков. Спросив о них мнение Хруща, получила ответ (Валя слегка заикался): «Д-думаю, з-закрасить...». Альвика, поняв это по-своему, решила в углу одного из своих творений поставить недостающее черное пятно. Мы дивились, однако, Колиному терпению. Малахина она сразу невзлюбила за его насмешки и, приходя на террасу, где Хрущ писал наши портреты, посылала разные пассы исподтишка на Малахина, мол, «изыди!». Изошла, однако, она сама, «по просьбе Коли», прихватив в Москву скрывающегося от кредиторов Хруща. Позже его отбила известная художница Катя Медведева – поговаривают, этому предшествовали их драки с Альвикой на Якиманке. Малахин потом смеялся: «Есть картина «Сюзанна и старцы», а я предлагаю сюжет: «Хрущ и старухи»!».

* * *

Увидели с Малахиным на остановке в Одессе объявление, написанное в форме жалобы: «Я пожилая, уважаемая мадам, соседи донимают, сволочи, сыплют соль в суп, перец в форшмак, в компот нассали, пьют, деруца, скоро убивать будут! Ужис!!!».

* * *

В Одессе в транспорте много карманников. Малахин все ценное застегивает на булавки. Чувствуя безуспешные воровские попытки проникнуть в нагрудный карман, смеется: «Стоп машина! Не проханже!» – и грозит им пальцем.

* * *

Едем в трамвае. Малахин сидит у кабины водителя на ящике с песком. На голове – детская панамка с теплоходом и надписью «Федор Шалапин». Напротив сидит злобный старикашка с клюкой и распаляется: «Ездют тут всякие, в панамках... Вишь, бороду отрастил, лыбится... А я до Берлина дошел!!!» – внезапно заорал он и – стук палкой, целясь в Малахина. Попал по кабине водителя. Та: «Ша, дедуля, следующая остановка – Берлин!».

На море

Юра Егоров, один из одесских классиков старого поколения, увидев меня в красной майке, попросил ему попозировать на берегу моря. Море писал он почти каждый день. Три дня приходили мы с Малахиным на дикий пляж. Егоров ставил меня в довольно неудобную позу – одна нога на камне – и просил стоять неподвижно. Изредка делали перерыв, и я шла купаться. Малахин сидел все это время на берегу, спиной к солнцу, решая кроссворды. Результат – коричневая спина и абсолютно белый живот. Прямо бутерброд с маслом. Я подшучиваю: «Э-э, Малахин, ты, небось, и плавать-то не умеешь, разве что топором, а нырять – и подавно!». На что он встал, разбежался и сиганул с пирса такой ласточкой! Только борода развевалась! (А портрет Егорова был – по пояс! Ему, оказывается, было важно движение плеч при такой позе, и майка была хороша на фоне серебристого моря.)

Еще одно Рождество в Одессе

Зимой в Одессе кругом бугристый лед – из-за постоянных оттепелей и заморозков. По нему мы и пришли к Маринюку. У Вити предложение:

- А пойдём до Валерушки Басанца!
- А удобно?
- Ещё как! У нас же кутья с изюмом и орехами, вино красное...
- Ну, звони.

Звонит Маринюк:

- Здравенько, Валерушка, со Святым Рождеством витаемо маму, тату, родных и ласкаво просимо на вечерю...

- Куды?

- Як куды? До вас!

Проводы

Малахин был еще та «белочка» – то есть жил по принципу: «все – в дупло!» В Одессу везлось огромное количество «бехов» – кошелок с подарками, книжками, рукописями, термосом и еще чем-то, что, как мне кажется, и не вынималось. Было очень тяжело, я в свое время купила ему тележку на колесиках, но от этого количество сумочек только увеличилось. Обрато багаж не становился легче. Малахин вез с собой стволыки кипариса, самшита, опять же подарки одесситов и прочая. Мы уезжали из Одессы. На проводы нам нанесли кучу всего, в том числе кто-то от избытка чувств – трехлитровую банку консервированных помидоров! (Но Урал же – не голодный край! И помидоры – не ананасы, выращивают худо-бедно...) Малахин, тем не менее, исподтишка запихивал эту банку в большую полотноную сумку. Я же ее потихоньку вытаскивала. В поезд до Москвы нас провожали всем скопом. На верхние полки складывались картинки, сумки занимали все свободные места. В Москве нас тоже встречали очень добрые люди и доставили с Киевского вокзала на Ярославский. А вот в Свердловске поезд пришел очень рано, и нас не встречал никто. Пока мы доставили вещи до мастерской, я думала, что испущу дух. Распаковались – и что я вижу? Угадали. Правда, помидоры вкусные оказались – внутри был чесночок!

